

*

Слова сегодня отчего-то нежны со мной. Они тихо приходят порознь. И первым гостем было слово *я*.

О! Знакомый незнакомец! Похожий на кочевника с отблеском воли Азии в зрачках. Набрасывающий узду на храпящие морды бешеных коней желания. Сказавший: «На бревне переплыву озера твоих глаз».

Люблю. Персидские лирики вплетали это слово в волосы своих любимых, чтоб те могли пропеть:

Лёгким Юзуфом
Бежит любимая югом.

И весело рассмеяться!
Слово *твое*. В нем вся неизвестность. И брезжащая Амери-

ка Колумба. Мост над пропастью, на который страшно ступить. Ступив на который, забываешь даже *имя*.

*

Море лжи так велико, что лодка правды вполне может и не пристать к желанному берегу.

*

Внезапная обида повисает на концах ресниц.

*

Возможно, поэзия стала существовать тогда, когда *распели* слово.

*

Искусство — должно ли оно соединить разобщенное тело человечества, подобно мертвой воде русских сказок?

*

Я хожу по странному саду. Он полон тишины, но такой, от которой шумит в ушах, словно поднесены к ним две морские раковины. Здесь совсем нет птиц, а пыльные гнезда свалены в кучу под раскидистой яблоней. Эта яблоня, как и другие деревья сада, была вырезана из камня искусным мастером. Я не знаю его имени. Несколько расставленных поодаль зеркал отразили меня.

*

Когда было мне лет восемнадцать, мир звучал приветливой песней. Но я был наблюдателен и не боялся подойти к тем запретным пропастям, к которым люди обычно не подходят близко, и в некотором отдалении от которых устанавливается алтарь какой-нибудь из религий. Это, в общем-то, не грозит ничем, кроме того, что получаешь понятие о таких вещах, от которых поседеть можно, или побрататься с безумием, или надолго заболеть. И ты слышишь теперь, кроме прежней светлой мелодии мира, еще и другую тему — страшные диссонансы, мощные, словно раскаты грома. И это начинает разрывать тебя, как силач разрывает руками книгу.

*

Весна! Легкая поступь ее слышалась уже в январе. Но тогда в небе разлит был свинец, и сугробы совсем по-медвежьи наступали на ноги. А сегодня... Сегодня меня радует вид подтаявших дорог, я слушаю робкие еще речи птиц. А над головой моей полочется огромный голубой стяг — и я охотно и с веселым сердцем иду под ним...

*

Где ты, звонкий мир моего детства? Зачем оставил меня? И, если ты оставил меня навсегда, — зачем напоминаешь о себе? О чем хочешь сказать мне?

*

Всякое знание тогда лишь может войти в орбиту нашего мышления, когда бывает *прочувствовано*. Поначалу оно только маячит нам, словно отблески отдаленных огней — путнику — вечерней порой.

*

Вы, сражающиеся по обе стороны баррикад, и мы, под пулями пересекающие площадку между ними, — кто находится в большей опасности?

*

Существует движение камней под ногами.

*

Вся наша жизнь — поединок с судьбой.

*

Музыка примиряет меня с миром.

*

Все, что есть у нас, непринятых и обманувшихся, — наше искусство, которое, возможно, тоже обманет нас, но это последнее, что у нас осталось. И этот рубеж мы не имеем права оставлять.

*

Придавленный кем-то кузнечик лежит и не переставая стрекочет.

*

Что мы ищем друг в друге? Не слишком ли велико то, что мы хотим найти?

*

Силой *невучего* слова человек может быть выбит из судьбы.

*

Нет ничего вернее, чем узнать отношение к тебе человека, говоря ему искренние слова.

*

В сущности, что такое лирика? Отвод грубой руки действительности, высвобождение из-под гнета повседневности, зеркальное состояние души. Судите по ней о мере вынесенных человеком страданий.

*

Деньги должны были бы выглядеть иначе, в виде жидкости, или лучше — смазки: чтобы повозка быта была менее скрипучей.

*

Ложь — нечто смягчающее между людьми?!

*

Ошибка многих людей в том, что, стремясь достигнуть чего-либо, они выбирают, как правило, кратчайшее расстояние. Говоря образно, тесная калитка прекрасного сада может находиться на двести шагов в сторону от тебя.

*

Отношения между людьми — вечный маятник обмана.

*

Веселье — лихо заломленная шапка на голове у грусти.

*

Слова есть звуко сочетания, привязанные к предметному миру. Так было до *Хлебникова*.

*

Осознанное чувство переживается острее.

*

Совокупностью чувств определяется характер человека.

*

Вы скажете, что жизнь — не так уж грустна. Подумайте, чему подвергнемся мы в старости.

*

В основе здания счастья заложено *неведение*.

*

Жизнь представляет собой известный парадокс: даже на вершине страдания мы не всегда можем от нее отказаться.

*

А нужны ли песни в мире? С одной стороны — да, нужны. С другой (страшной), мир настолько закоснел уже в своих основах, что песни видятся мне, если допустима такая аналогия, цветами, брошенными на снег. Грустный образ!

*

Искусство учит нас *отношению* к жизни.

*

Печаль делается прозрачной, когда пьешь из родника искусства.

*

Чтобы разделить эту жизнь со всеми, надо стать слепым и глухим.

*

Счастье в сердце другого человека, если его счастье — в твоём.

*

Когда чувства принимают в народе благородный характер — складываются легенды.

*

Есть одно стихотворение — «О чём поёшь ты, птичка, в клетке?..» (наверное, ранний самый из известных текстов *Хлебникова*), оно созвучно мне, словно собственное детство. Но вот что странно — я никогда не знал его на память до конца. Оно, однако же, едва произнесу начальные строки, звучит во мне полностью, а выпала из памяти добрая половина слов! Музыка. А строки, может, ни к чему? Нет, нужны. Они запомнятся.

*

Самое большое одиночество сопутствует, возможно, одним только детям.

*

С друзьями надеешься на порядочность, с врагами — на силу оружия.

*

Не будь искусства на печальной Земле, я застрелился бы из первой же подобранной на улице палки.

*

Задумайся, если мир вокруг тебя становится квадратным. Геометрия хороша при постройке зданий. Но мир — это не здание, совсем нет, это выпущенная в будущее стрела!

*

Существует, видимо, некий мелодизм мгновений. И обратное ему, когда не звучит музыкой. Мелодия же всегда уравнивает душу. И воспринимается как нечто, не имеющее в себе препятствий, словно всегда существовавшее, делающее нас причастными вечности. И — запоминается.

*

Устаревание слов языка в немалой степени вопрос слуха. Мы слышим по-другому.

*

Когда определенные еще древними стихии входят в наш дом, три из них — огонь, земля, вода — требуют от нас приспособлений, иначе жилище в той или иной степени будет разрушено или испорчено. И только воздух заполняет пространство, не требуя от нас ничего.

*

В детстве мы склонны бесконечно доверять людям, но жизнь учит нас обратному. Тому, что называется здравым смыслом.

*

Как грустно: человек должен умереть, чтобы хоть что-то начали понимать в нем.

*

Песня есть сплав слова и музыки, но в строгом смысле уже не то и не другое. Между тем — и слово, и музыка. Песня — это проросшее наружу сердце.

*

В походке, словно в замутненном зеркале, проглядывает склад характера.

*

Всякой тиранической системе власти дан в поводыри животный страх смерти.

*

Наличествует что-то в речи (у каждого), что притягивает или отталкивает.

*

Есть поздний *Мандельштам*, с его лирикой, летящей в звездное небо. Годы подряд поющих словно бы *на излете*. В остановившемся времени.

*

Кажется, есть что-то в тонах слов. Речь словно сама себя толкует.

*

Машины, машины. Слабеющее ногами человечество.

*

Благородство всегда есть следствие образа мыслей.

*

Неудовлетворенная страсть может обернуться чертой характера.

*

Родина — это все то доброе, что взирает на нас из будущего.

*

Эгоизм, по сути, недалекость ума.

*

Люблю некрещеную музыку! Гений — тот, при чьем появлении чернь покидает священные рощи.

*

Человек — вечный странник, ему даже не надо далеко ходить: он не имеет пристанища в себе самом.

*

Играя на дудочке, уличить вороватую жизнь — это мне нравится!

*

Любовь — это когда твои слова вплетаются в мою речь. Это верхняя треть пламени костра. Она в возгласе: я задыхаюсь без тебя! Во взмахе крыла птицы. В руках, которые становятся зрячими.

*

Мечты — в высоком смысле — реющее над головой будущее. В житейском, подчас, просто лень.

*

Сторонники чудесной теории происхождения человека — пусть понаблюдают они, сколь многие еще живут в силу обезьяньей переимчивости.

*

Первейшая добродетель человека — быть отважным. Это слово о духе, о духовной свободе.

*

Очень может быть, что в лицо жизни жутче смотреть, чем в лицо смерти.

*

Свобода — ее не установишь введением рамок, канонов: п. ч. она — в области *импровизации*.

*

Птица свободы чуть припадает на одно крыло.

*

И если вся моя жизнь станет *мыслью о тебе* — это и есть любовь.

*

Истина — что раскаленное клеймо, ей могут противостоять только кости (да и те обугливаются).

*

Любовь не блуждает путями корысти, ей неведом расчет. Она *безрассудно* открыта миру.

*

Страх несет с собой величайшие бедствия. Страх заползает под кожу — и человек каменеет.

*

Традиции, законы государства — этого уже, пожалуй, достаточно, чтобы приземлить в нас чувство свободы. Ах, этой птице надо поверить еще в силу собственных крыльев!

*

Только любовь способна открыть границу между царствами (*ты и я*).

*

Любовь — это всегда *приращение* (землями, небом и т. д.).

*

Каждый человек — притча на устах мира.

*

Кому незнакомо чувство полета, кто не забывал в себе землю ради поющего под крылом духовного неба, тот никогда не поймет, как приятно бывает вновь ощутить ее под ногами.

*

Наше собственное существование все еще отдаляет нас от понимания мира.

*

Произойдет все то, о чем только сумеет помыслить человек.

*

И влюбленные, и дети одинаково внимательны по отношению к мелочам.

*

Мы уже живем, а все только собираемся жить.

*

Постижение искусства в том, что должно ответить на него собственной жизнью.

*

Жизнь, может стать, вещь слишком простая. Поэтому мы все усложняем — вследствие развитости ума.

*

Родина — лишь только здесь всякое душевное движение, всякое явление в нас обретает свое имя.

*

Птицы несут собой весть о небе.

*

По оттоку сил всякая держава находится сегодня в состоянии войны.

*

Все старо на этой земле, может быть, и сама жизнь, а всегда свежа только любовь.

*

Как много доводов в пользу того, что ты должен жить! Увертки сознания?

*

Каждый из нас — притча на устах мира. Но нам следовало бы уже стать песней.

*

Талант, по сути, это собственная вовремя угаданная судьба.

*

В шедеврах — кино приближается к фотографии. Вмещает ее. И уходит дальше.

*

К истории детской души. Из образного строя, присущего нам в детстве, выступают видимые ориентиры будущего. Они могут исчезнуть впоследствии, подернуться дымкой, стать туманными. Исчезнуть, разумеется, только из поля нашего ослабевшего зрения, но редко кто умеет их тогда вновь, сосредоточившись, разглядеть. Не так уж много людей, ставших взрослыми, живут в предначертанной детством судьбе. Оттого-то и безнадежно тяжела бывает такая, не до конца своя жизнь. И, может быть, совсем, совсем *не своя!* Но мне хотелось бы дополнить именно *детскую область* нашего мира. Собственной взрослой жизнью.